
Павел Харитонов-Ойуку

Дорога с бубенцами

Отрывок из романа

С якутского. Перевод Аиты Шапошниковой

Ксенофонтовы прикатили точно в тот момент, когда пароход, отдав якорь, прижимался бортом к причалу. Как только два матроса спустили трап, Аркаша с Ильей взбежали по нему и повисли на старшем брате. Костя и Иван, считая себя уже большими, остались стоять рядом с отцом.

На палубе уже бурлила счастливая толпа встречающих и прибывших.

— Потихе, ребята, потихе! Не мешайте людям сходить по трапу!

— Аркадий! Илья!

— Убай!

— А где отец?

И вот наконец в сопровождении младших братишек по трапу слетел весело улыбающийся Гавриил, молодой человек с мягкими черными усами.

Отец внимательно присмотрелся к приближавшемуся сыну. С черными, как смоль, блестящими волосами, зачесанными назад на косой пробор, высоколобый молодой человек стремительно шел к нему сквозь толпу. Это был уже не тощий юноша-реалист с маленьким острым подбородком, а крепко сложенный, широколицый и быстроглазый мужчина. Подбежав к Василию Никифоровичу, сын крепко обнял его.

— Слава богу! — воскликнул отец, прижимая сына к себе.

Его седые волосы и пушистые усы, озаренные солнцем, казались заиндевевшими добела.

— Ждать-то, оказывается, нелегко... — признался родитель и спросил: — Насовсем пожаловал?

— Окончательно! — рубанул тот, словно рапортуя, что выполнил завет отца и теперь вернулся послужить родине и землякам.

Матушка встретила сына на крыльце дома и поцеловала в лоб. Она не показала волнения. Кажется, Катерина уже смирилась с тем, что ее сыновья, оперившись, будут все дальше улетать из родного гнезда. Матери хотелось только одного — чтобы дети жили в благополучии и полном здравии.

Харитонов Павел Николаевич — Ойуку (род. в 1941 г.) — поэт, прозаик, критик. Окончил Якутский государственный университет. С 1983 года — директор Хангаласского краеведческого музея им.Г.В.Ксенофонтова. Лауреат Государственной премии Республики Саха (Якутия) в области литературы, искусства и архитектуры им.П.А.Ойунского, автор исторической трилогии «Хоболоох суол» («Тракт»). Представленный фрагмент взят из третьей книги.

¹ Убай — старший брат.

Если отец ради встречи со старшим сыном нацепил все четыре медали, то мать для этого случая поверх платья из голубой тафты надела черный жилет, расшитый стеклярусом. Любимая сестренка Евдокия, ставшая миловидной девушкой с округлым личиком, подбежала и без всякого смущения чмокнула брата в обе щеки. Нарядный облик гостей говорил о том, что они заранее готовились к встрече с Гавриилом. Он вежливо поклонился каждому и энергично пожал руку. В дачном доме в Сергеляхе его ждали все ближайшие родственники и хорошие знакомые: из Немюгю прибыл дядя Геннадий с женой Марьей и сыном Ваней, из Хахсыта — писарь Алексей Широких, из Жемкона младший зять Кирилл и сестра Татьяна, из заложной¹ окраины города — вдовая тетка Александра Игнатъевна с сыном Адамом.

Шурин смутил Кирилла всем своим видом. Гавриил выглядел совсем другим человеком. Он светился умом; и в легкости манер, и в том, как облегла его одежда, — во всем сквозила образованность. Когда брат жены пожал Кириллу руку, тот, несмотря на робость, почувствовал гордость за родственную близость к этому блестящему человеку.

Семья, похоже, еще кого-то ожидала. На озеро Сергелях, окруженное густыми камышами, упала тень соснового бора. При свете вечернего солнца вдали вода потемнела, а посередине, как слюда, переливалась разноцветной рябью. Со стороны Сайсары показалась пара лошадей, запряженная в легкую долгушу со сверкающими спицами колес. Кучер Май, подкатив к воротам Ксенофонтовых, откинулся на козлах и натянул поводья, останавливая коней. С повозки сошел могучий мужчина с щеткой густых черных усов.

Ксенофонтов направился к нему и подал руку.

— Здравствуй, Василий Васильевич! Проходи, гостем будь.

— Прости, дорогой, что заставил ждать. На работе много дел накопилось, — молвил припозднившийся гость, кивнув ему.

Хозяева и приглашенные уселись за длинный стол, накрытый посередине залы.

Первый гость произнес отец семейства, всеми почитаемый депутат Городской Думы Василий Никифорович. Вскинув голову с необычайно красивой седой шевелюрой, он поднял серебряную рюмку с вином и сказал:

— Уважаемые родственники и близкие друзья! У нашей семьи сегодня долгожданный счастливый день. Наш старший сын Гавриил вернулся домой, окончив юридический факультет Томского университета. Я благодарю всех вас за то, что вы пришли разделить с нами нашу радость!

Голос старшего Ксенофонтова слегка дрогнул, ему показалось, что произнесенные им слова были скупы и не соответствовали степени его великого душевного подъема. Ведь ему следовало начать издали, рассказав о том, сколько мучений и унижений претерпел его малограмотный народ из-за незнания законов, да сравнить тяжелую, беспросветную жизнь предков с сегодняшним уровнем просвещения и скоростью технического прогресса. Увы, опьяненный радостью, он ограничился лишь благодарностью родным. Что ж, сказанного не воротишь, и сожалеть нет смысла.

— Ну, выпьем! — добавил он.

И в тот же миг вознеслось множество рук с хрустальными и серебряными рюмками, раздался мелодичный перезвон. Началось общее веселье, одно за другим посыпались поздравления. Все внимание гостей было обращено на виновника торжества.

Посреди праздника громко прозвучал властный голос Александры Игнатъевны:

— Сынок, Хабырыс, расскажи, а есть ли там, где ты учился, народы, похожие на нас внешне и по языку? Как они проживают?

— Точно!.. В самом деле! — поддержали ее участники пира. — Есть такие, как мы? Как они выглядят?

¹ Залого — непаханая земля, целина или преграда, заслон.

Гавриил ожидал такого вопроса. Во время учебы он познакомился со многими близкими народностями, но еще ни разу не встречал людей, которые бы так любознательно интересовались устройством человеческого общества, запоминали новое на всю жизнь и могли по услышанным от кого-то наблюдениям делать глубокие выводы, как его сородичи. Да и он сам, считая свой народ выходцем из южных краев, при любом подходящем случае старался побольше узнать о предполагаемой загадочной прародине якутов.

— В мире много народов, напоминающих нас не только по виду, но и по языку. Россия — огромная, бескрайняя страна. На ее просторах живет немало наций, которые стали подданными русского государства. К примеру, казахи, киргизы, татары, башкиры, чувашы, алтайцы, хакасы. Есть еще узбеки, туркмены, турки, азербайджанцы, говорящие на похожем на наше наречии. Наука объединила их всех под названием тюрков, или татар. Они сходны с нами не только внешностью и языком. Некоторые из них, как и мы, веруют в Тенгри.

Эти народы называют луну ай, а мы — ый. Солнце для них — кюн, ночь — тюн, зима — кыш, лето — сай, кровь — хан, мужчина — эр, озеро — кёл, сердце — йурэк, голова — баш, медь — алтун, железо — тэмир. Это все нам понятно без перевода. А наше слово «ил» они используют в смысле «организация, федерация, государство».

Гавриил не испытывал затруднений с усвоением знаний по основным предметам своего курса. Потому он дополнительно посещал студенческий кружок, изучавший историю Сибири. Он прочел своим товарищам несколько лекций, где сопоставлял якутские легенды с фактами из истории степняков, кочевавших на территории нынешних Средней Азии, Монголии и Прибайкалья. Кружком руководили виднейшие ученые Сибири Потанин и Ядринцев. Любимые студентами профессора кроме научной и преподавательской работы вели также разнообразную общественно-политическую деятельность в среде городской интеллигенции. И любознательный Гавриил Ксенофонтов старался не пропускать их выступлений на политические темы. Вскоре выдающиеся ученые заметили его как одного из самых активных студентов и стали приглашать на свои собрания.

Александра Игнатъевна в общих чертах поняла слова племянника, однако сочла его намерение записать рассказы Харджита и Данилы пустой тратой времени. Для нее, состоятельной горожанки, было значимо только то, что парень получил диплом адвоката. Вот почему она пожаловала на торжество, забросив все домашние дела, да еще прихватила с собой сына.

Скрестив руки на груди, Кириллов, брат матери, спросил у Гавриила:

— Чем сейчас, после революции 1905 года и реакционных действий власти, дышит Сибирь-матушка?

— Революционные события, как и на всей территории России, в Сибири изменили устроения народных масс. Основные причины — хищническая эксплуатация трудовых сил капиталистами и крайнее обнищание простого населения. До сих пор у противоборствующих сторон сохраняется полное непонимание имеющихся проблем, что, конечно, вызывает сильное напряжение в обществе и может привести к очень серьезному противостоянию, которое вполне может стать причиной больших политических перемен. И хотя власть пока владеет ситуацией, буржуазия, являвшаяся ее оплотом, под давлением крупного капитала все больше начинает ставить свои интересы выше государственных. В данное время конституция работает на пользу самодержавия и капиталистов. Все это ослабляет способность государственной машины подавлять текущие процессы, происходящие по воле низов общества.

Такая оценка существующей политической обстановки в стране, данная Гавриилом, произвела сильное впечатление на его отца, дядю Геннадия, Василия Васильевича Никифорова и Алексея Широких. Эти люди, несмотря на то что жили на окраине громадной империи, имели четкое представление о ситуации в стране, хотя

газеты до них доходили с большим опозданием. Им показалось, что их Гавриил был непосредственным и горячим участником событий, происходящих в центре России.

— Сибирь необычайно богата полезными ископаемыми и природными ресурсами, и в экономическом отношении у нее огромный потенциал. К сожалению, ей, как и нашей области, до сих пор не дали широких возможностей для развития. Ученые Потанин и Ядринцев считают, что этот потенциал будет реализован, если сибирский регион получит автономию. Вот почему они сейчас ведут борьбу за статус независимой, самостоятельной области. По всей видимости, ни у Сибири, ни у Якутской области нет другого пути поскорее преодолеть культурное и экономическое отставание. Но по раскладу сил Сибирь намного перспективнее нашего края. Даже сейчас сибиряков можно считать наиболее развитым народом среди тех, что обитают по российским окраинам. В Сибири много высших учебных заведений, заводов, фабрик, шахт, есть развитая сеть железных дорог, связывающих ее со всем миром. И добавим ко всему большую когорту прогрессивно мыслящей интеллигенции, научных светил, демократов. С учетом всего этого, когда-нибудь Сибирь начнет определять судьбы России.

Василий Васильевич про себя с восхищением отметил, с какой свободой, как умно и всесторонне молодой человек анализирует социальное и политическое положение государства.

— Должен сказать, что среди нас появился достойнейший, просвещенный представитель молодежи, светлая голова, в которой есть свое независимое видение жизни, — с удовольствием прокомментировал он выступление молодого Ксенофонтова. — Первое демократическое выступление русского народа озарило светом все темные закоулки Российской империи. Там, где копится возмущение гнетом и унижениями, обиженный народ кипит от враждебных чувств. Недавно мы видели, что он попытался сбросить тяжелую крышку, веками давившую на него, однако пока он смог выплеснуть только белую пену. В 1905 году, когда я последовал их примеру и создал “Союз якутов”, мне пришлось биться в одиночку. Сейчас уже не то время. У нас выросла просвещенная молодежь. Из ее рядов выйдет прогрессивная интеллигенция, которую волнует будущее родного народа. Если последуем за Сибирью, мы тоже станем культурно и экономически развитым краем.

Василий Васильевич повернулся к отцу и сыну Ксенофонтовым и настойчивым тоном спросил:

— Байбаска так и не приехал?

— Он намерен пуститься в путешествие по Европе. Недавно сообщил мне об этом в короткой телеграмме, — объявил Гавриил родителям.

— Стоит мужчине родиться, сегодня он находится дома, завтра — в России, а послезавтра — в Европе... А каково бывало в годы нашей молодости? Окончишь разве что сельскую церковно-приходскую школу или в лучшем случае городскую прогимназию, семинарию либо реальное училище, или учишься самоучкой, с помощью добрых людей, — констатировал поразительные изменения, случившиеся с якутами в новом веке, предводитель городской интеллигенции Никифоров.

А отец промолчал. Он тоже получил телеграмму от Павла. Тот просил денег, и родитель незамедлительно перевел ему нужную сумму. Он не возражал против того, чтобы его любимец собственными глазами посмотрел, как живут люди в развитых зарубежных странах. Байбаска сообщил ему, что деньги получил. Ксенофонтов надеялся скоро увидеть сына дома. Он понял: оказывается, старшего сына он любил и уважал, а младшего просто любил...

А Василий Васильевич, не участвуя в беседе гостей, встречающихся обычно раз в год, отвернувшись к окну, смотрел вдаль. Гавриил увидел, что на усталых плечах этого могучего человека лежит груз, непомерно тяжелый для него, и что его одолевают сомнения и неуверенность в своих силах. Он подошел к нему.

— Смотри, даже такой обширной и богатой Сибири, где живет множество русских, правительство не дало автономию. Даже поднять вопрос о земстве там стало

возможно лишь спустя сорок лет после введения его в центральной России. И то проект не получил одобрения. Конечно, сибирские идеологи земского движения вели и ведут работу по созданию независимой от России области, которая будет управляться своей Думой. Хотя мы взяли из их проекта только общие положения, в целом такая модель нас не устраивала, поскольку мы не видели наш край вне Российского государства. За введение земства ратуют не только якуты, но и русские крестьяне. Среди наших активистов числятся Алексейка Наумов, Николай Родионов, Вячеслав Припузов, твой отец Василий Ксенофонтов, голова Западно-Кангаласского улуса Геннадий Кириллов, улусный письмоводитель Алексей Широких. Они все — наши единомышленники.

И тут весь жар молодой крови ударил Гавриилу в голову.

— Чтобы ставить такие важные вопросы, нам нужно иметь своего депутата в Государственной Думе, избранного всенародным голосованием, — сказал он. — Он должен внести проект о земстве в думу и получить законодательную поддержку. Данный вопрос как раз самым беспощадным образом выявляет позорное и неравноправное политическое устройство России, где права и свободы малых народов, живущих на ее территории, жестоко попираются. Во время поездки на торжества по случаю трехсотлетия императорского дома Романовых мы и эту проблему ставили.

— Нами до сих пор управляют по старому уставу 1822 года. В XX веке это является ущемлением прав нашего народа. В дальнейшем это усугубит отставание нашей культуры, языка, экономики от уровня развитых народов.

Василий Васильевич оживился. Он провозгласил:

— Господа, я вас поздравляю, среди нас появился новый либерально мыслящий человек, ясно понимающий существующее положение вещей. Он полностью разделяет мои взгляды! — Все дружно заплодировали.

В теплых взглядах этих людей чувствовались благодарность и восхищение, а сам молодой Ксенофонтов тоже был растроган, поскольку сегодня он встретил старшего друга, достойного преклонения.

Гавриил высоко ценил просветительскую деятельность Никифорова. «Чем развитее у народа культура, тем лучше ему живется. Осветив застойную темноту сверкающим сиянием своей личности, он открыл родному народу закрытые глаза, будучи совсем один, всецело отдался подвижнической работе по его освобождению, чтобы он смог дальше уверенно шагать в ногу с другими продвинутыми нациями. Имея такого человека, мы ни в коем случае не должны считать себя ущербными. Такие выдающиеся люди — обещание счастливого будущего», — подумал он.

А Василий Васильевич, словно угадав ход мысли молодого человека, весь просветлел. И гостям это бросилось в глаза.

— Гавриил Васильевич, я сейчас выпускаю первый литературный общественно-политический журнал на якутском языке «Саха саната». Работы очень много, есть свои трудности. Не хватает рук. Я приглашаю тебя принять участие в наших трудах. Но я должен предупредить, что нашу деятельность постоянно преследуют власти и даже православное миссионерское общество. В прошлом году на миссионерском собрании обсуждали вопрос перевода книг на якутский язык. Было приглашено много людей. Но никто из них не выступал в таком злобном ключе, как преподаватель духовной семинарии Соловьев. — При воспоминании о неприятном событии у Никифорова перехватило дыхание, лицо его побагровело. — В присутствии его преосвященства архиепископа Мелетия и ректора семинарии Попеско, он обрушил на собравшихся такие враждебные слова: «Что вы тут тратите время на рассуждения о переводе на якутский язык, забываясь то ли о каком-то народишке, то ли совершенно еще диком племени? К чему это нужно — создавать искусственную письменность ради этого дикого племени? Если они не желают приобщаться к великому русскому языку, пускай пропадут пропадом. Никак недопустимо поддерживать их дикарский язык. Что вам важнее: сто тысяч диких людей или миллионы русских?..»

— У меня есть некоторые соображения об издании газет и журнала. Благодарю вас за приглашение, — ответил Гавриил. Молодой человек знал много примеров гонений на прогрессивных людей со стороны властей и полиции, поэтому несколько не удивился словам Василия Васильевича.

— Ну вот! Потому я и люблю разговаривать с молодежью, — обрадовался Никифоров. — Это не старики, связанные по рукам и ногам предрассудками, а люди, которых вперед ведут знания.

— Василий Никифорович, а вы помните, что на съезде якутов сказал Говоров из Борогона, когда вы отказались стать членом депутации? — спросил Алексей Широких.

— «Быть свидетелем юбилея венценосной семьи — огромная честь! А ты отказываешься». Но у меня был план — попросить вместо себя включить Никифорова. И он удался! — ответил хозяин.

Все повернулись к Василию Васильевичу.

— Я принял предложение Ксенофонтова, потому что для меня это было честью, и ответил так: «Соглашаюсь ехать в Петербург с депутацией, ибо цель моя — содействие разрешению застарелых проблем моего народа».

Геннадий, усмехаясь, добавил:

— И в этот момент с места сорвался врач Прокопий Сокольников и бросил в зал: «Если Василия Васильевича не изберете делегатом, я тоже откажусь быть в составе депутации!»

— Да, было такое, — Никифоров согласно кивнул.

Далее разговор переключился на тему деятельности делегатов в Санкт-Петербурге. Перед самым отъездом домой Гавриил получил от отца номер газеты «Якутская окраина», где был опубликован весьма подробный отчет о поездке депутации.

Откинувшись на спинку венского стула и переплетя грубоватые пальцы рук, Василий Васильевич начал свой печальный рассказ:

— За все время тяжелой поездки в столицу Российской империи я не испытывал ничего утомительнее и неприятнее, чем многодневное обивание порогов царских министров. У нас было множество проектов и прошений, требовавших неотложного решения. — Выпрямившись, он принялся загибать пальцы: — Мы просили: выделить Якутской области квоту на одного представителя в Государственной Думе, утвердить проект о земстве, в связи с многолетней засухой подали прошение о списании долгов и недоимок, требовали прекращения высылки в область нарушителей уголовного и административного законодательства, предлагали построить железную дорогу до верховьев реки Лены, открыть новые школы и учительскую семинарию, записывались на прием к Амурскому генерал-губернатору, чтобы обжаловать действия администрации города Охотска, притесняющей наших рыбаков, добивались совместного управления спорными территориями, предлагали начать переговоры о строительстве ветки железной дороги от порта Аян до реки Мая. И это далеко не весь перечень дел, приуроченных к поездке.

— Далекое не увеселительная поездка, скажу я вам, — молвил Иван Антипин, отодвигая опустевшую тарелку.

— Мы полагали, что в день будет решаться три-четыре вопроса. Но двери любого присутственного места нам открывались с огромным усилием, после длительного ожидания. В министерство внутренних дел мы попали через два дня. У нас в Якутии воздух зимой холоден, но отношение государственных чиновников к нашим заботам оказалось еще холоднее. И если бы мы заранее не завели среди русских верных друзей и защитников, нам бы не удалось добиться поставленных целей. — Лицо Василия Васильевича опять просветлело. — В те дни я понял, что русская нация состоит из двух слоев. Один из них подавляет, унижает и поработачивает другие народы. А второй состоит из лучших твоих друзей, советчиков и защитников! И мы должны научиться различать их!

* * *

Священная долина Эркени, на которой жили многочисленные представители рода Тойон ус: немюгунцы, жерцы, октемцы, хахсытцы, с раннего утра наполнилась движением. Весть о том, что новый голова улуса Геннадий Кириллов в урочище Ередеп, где у него была летняя усадьба, устраивает ысыах и скачки, заставила многих встать спозаранку и — кого верхом, а кого пешком — выдвинуться в дорогу. Те, что были с южной стороны, выехали, минуя Ис Бютяй и татарскую деревню, и через Ой Бэс срезали путь по броду озера Джулан. А жители северных поселений Кулллаты, Техтюр, Кумахтах Малтаны, Кудугу, проехав под горой Истях, на которой был последний приют их предка Мазары, выбрав путь через ям Улах Ан и верховье Джулана, добрались до Тас Юрюя, где все тропы сходились вместе. К полудню все добрались до нужного урочища. Геннадий лично встретил желанных гостей. По его приветливой улыбке было видно, что он их ждал.

— Гости дорогие, что у вас нового? — воскликнул он, идя с раскинутыми руками навстречу Киске и Буттаху.

— У нас новостей нет, они зато есть у тебя, хозяина ысыаха, — пробасил князец бестяхского Малтаны Александр, светлицы статный мужчина саженного роста, и тоже пожал ему руку. Было видно, что князец хотел стать единственным победителем сегодняшних скачек. Показывая дружелюбие, он, конечно, старался угадать, с каким настроением приступает господин голова к поединку и кому может подфартить. Но Геннадий тоже понимал это. Руку Александра он сжал довольно крепко.

— Пожалуйста, в дом, ранние гости уже там, — улыбнулся он.

Приезжие, похоже, все сидели в зале, оттуда доносился гул голосов. Новоприбывшие присоединились к гостям, рассевшимся на венских стульях вокруг большого дубового стола. Среди них был Василий Ксенофонов, голова Восточно-Кангаласского улуса Урдус, писарь Алексей Широких.

В узорчатой индийской вазе в центре стола красовался свежий букет алых лилий. Через открытые настежь двери смежной комнаты он заметил книжный шкаф, граммофон, угол бильярдного стола. Там, вооружившись деревянными палками, Костя, Иван, Аркадий и Вячеслав вовсю гоняли костяные шары. Устремив взгляд в широкое окно напротив, князец увидел людей, сидящих на зеленой траве, качели, висащие на двух листовенницах, и высокую закрытую беседку с шестью колоннами. Рядом стоял гладко оструганный толстый столб, на верхушке которого лежали кульки со сладостями. Дети пытались влезть на него, чтобы достать лакомства, но с середины с визгом соскальзывали вниз. Народ хохотал, потешаясь над ребятами. Александр не отрывал от них глаз.

Геннадий хотел угадать, почему так посуровел князец. Он был человеком слова, и, стало быть, был настроен серьезно.

— Сколько коней привели? — спросил он, огладив усы.

— Двух, как оговорено... А ты сколько ставишь со своей стороны?

— По уговору.

— Интересно, какие сегодня будут ставки? Хорошие деньги, похоже, будут разыграны... — произнес задумчиво толстяк Байбал и ехидно посмотрел на Александра.

Хозяйка Марья велела подать гостям кумыс.

В это время из соседней комнаты с книгой в руке вышел Хабырыс. Проходя, он увидел новых людей и поздоровался:

— Рассказывайте, какие новости?

— Да нет уж, это ты рассказывай. Когда приехал? Учиться закончил? Как жить? — обрушили на него град вопросов.

— Последним парходом.

— Значит, у дяди отдыхаешь? А у нас когда погостить собираешься? Дайыс давно рассказывает, что скоро к ней приедет образованный сын, — начал пытаться Борой.

— Скорее всего, вместе с вами и поеду. Я для того и приехал, — ответил Хабырыс, обрадованный, что нашел спутников. — У вас какие новости?

— Да никаких... Живем. Похоже, засуха будет, — принялся жаловаться Борой. — У нас теперь все изменилось. Некоторые от невзгод становятся пьяницами и игроками. Лучшие люди в поисках заработка ушли в Золотую Тайгу. Кто-то там пустил корни, а кто-то сгинул в пути или пропал без вести. Вот таким лицом к нам повернулся новый век.

— Жизнь везде такая, — помрачнел Егор Берё.

— А вот ты, образованный человек, что думаешь об этом? К чему нас приведет подобное житье? — спросил Борой, прижав руку к груди.

— Все от нас самих зависит. Нельзя сидеть сложа руки. Сила человеческого ума везде найдет лазейку, если идет речь о жизни и смерти. Нужно в первую очередь беспощадно искоренять любые игры на деньги. Эта пагубная страсть нам не подходит, ибо ее придумали для забавы пришлые, куда более развитые и богатые народы. Вы, самые уважаемые люди наслогов, должны заранее предупреждать такие увлечения у ваших сородичей.

От его мудрых слов Александр приуныл. Ему стало стыдно смотреть Хабырысу в глаза. «Когда собеседник не в бровь, а в глаз называет твои тайные грехи, хочется провалиться сквозь землю. Это точно! — От потрясения он часто задышал, и золотая цепочка от часов, положенных в нагрудный карман, закачалась. — Скачки немыслимы без денежных ставок, без этого нет никакого азарта и радости. Выставляя хорошего скакуна, ты показываешь, насколько состоятелен, дальновиден и решителен».

Он всегда думал, что участие в конных скачках нельзя сравнивать с игрой в карты или с пьянкой. Любовь к этой богатырской забаве перешла к якутам от воинственных предков. Не зря испокон веков считается, что лучший мужчина должен иметь прославленного скакуна! Александр, выпив кумыс до капли, отдал чорон и быстро вышел из комнаты, на миг закрыв могучим станом дверной проем.

Хангаласцы всегда славились людьми, которые разводили и держали великолепных скаковых, рысаков и иноходцев. Первыми из якутов они начали улучшать породу своих лошадей, сводя их с привезенными издали чистокровными скакунами. Широких и Кириллов чувствуют себя родившимися на спине коня. Когда заходит разговор о быстроногих лошадях, у них глаза загораются.

Совсем еще молодыми парнями, как только озеро Джулан замерзло, они всю зиму гоняли лошадей по льду. С этой весны, победив на рысаке по кличке Турагас коня купца Юшманова и забрав все ценные призы, Геннадий числится в рядах завзятых лошадиников. Коней, участвующих в сегодняшних скачках, они с Алексеем тайно готовили всю зиму. И оба прежде всего надеялись не на Арбанчу, а на молодого, недавно обьеженного жеребчика. Посоветовавшись, несколько лет назад они в городе у купца Хапсына приобрели жеребца-полукровку по кличке Барахло, родившегося от его орловской кобылы. Позже они свели его с якутской кобылой. Полученный от них жеребенок по всем статьям обещал быть хорошим скакуном. Его по секрету поручили Леханому, пареньку-коневоду. Зимой он ночевал с ним в теплом стойле, а летом пас и тренировал только в ночное время. Он, можно сказать, вырос вместе с этим коньком и Арбанчой, поэтому знал их повадки и возможности лучше хозяев. Глядя, как конь скачет, вытягиваясь всем телом над землей, Геннадий с умилением думал: «Скольких лошадей я перебрал, а такого быстрого и чуткого на команды коня еще не видел».

Непростым делом был выбор клички для него.

— Давай назовем Кюлюк Харбатар¹ — предложил он Алексею.

— Да ну, не стоит. Слух нехороший пойдет, это чревато, — отмахнулся тот.

¹ Кюлюк Харбатар — имя злодея абаасы из «Олонхо».

— Тогда?

— Тогда спросим у того, кто его учил. Может, он уже назвал как-то...

— Нохо, как жеребчика-то назовем? Или дадим твое имя? Леханый?

— А если... прозвать Хатынка¹?

— С чего это он будет Хатынкой?

— А вы посмотрите на его ноги...

Приглядевшись к передним пястям коника, мужчины вдруг поняли — они и впрямь казались обутыми в серые валенки.

— Хатынка! Скакун в валенках... Каково? — пробормотал Геннадий. И вдруг радостно закивал: — Хатынка! Счастливая кличка!..

Молодой голова старался до поры скрывать своего коня, устраивая для него забеги глубокой ночью, однако не зря говорят — земля слухом полнится и нет такой тайны, которая не стала бы явью. Очень скоро князец Александр узнал, что появился новый быстроногий конь. Но он не сильно испугался. Его лошади Кубалах и Хахынас не имели себе равных уже много лет. Про успехи Хахынаса в улусе знали все. Неужели найдется скакун, способный обогнать его? Князец сильно в этом сомневался. Вот почему он в присутствии головы Восточно-Кангаласского улуса Урдуса побился об заклад с Кирилловым.

Он тогда сам сказал:

— Значит так. Вызываю тебя на спор — мой конь твоего победит! Договор такой: в случае проигрыша отдам тебе двух откормленных лошадей и вдобавок денежную сумму, равную их стоимости. Ну, соглашаешься? — Судя по всему Александр был уверен в своем выигрыше.

— По рукам! Я выставлю такой же заклад! — Геннадий не стал уступать.

— Егор, мы устраиваем на спор скачки, ты будешь распорядителем и держателем основного заклада! — Александр сразу попросил голову стать судьей и свидетелем, и тот дал согласие.

Соревнующиеся стороны решили устроить забег на три с половиной версты. Перед забегом основных лошадей должен был состояться предварительный старт, как бы открывающий скачки. В первом забеге участвовали Кубалах и Арбанча. Приняв такой порядок, родоначальники вышли и направились к людям, сидящим на траве. Идя между рядами чэчира², Геннадий и Александр следовали за Василием Никифоровичем и Урдусом. Праздничное тюсюльгэ³, украшенное саламой⁴, для них было устроено немного поодаль. Возле него шумела ватага детей, которую возглавляли хозяйский сын Ваня, а также Илья и Аркадий Ксенофонтовы.

Празднество началось с обряда кумысопития. После угощения кумысом всем гостям раздали вареное мясо. Ради праздника Геннадий велел забить откормленного быка и нагульную кобылу. Он верил, что люди запомнят богатое застолье его ысыаха и когда-нибудь это делается частицей народных преданий. Голове польстило, что сегодня среди его гостей были и дальние, и ближние сородичи. Пирующие вдоволь поели жирного мяса, кровяной колбасы, запивая прохладным кумысом. Осмелевший от крепкого кумыса старик Беспяй, подойдя к хозяину, сказал:

— Господин голова, какой ысыах без олонхо⁵ и танца осуохай⁶? С чего велишь начать?

¹ Хатынка — валенок.

² Чэчир — ритуальное украшение ысыаха в виде вереницы срубленных молодых берез, воткнутых в землю.

³ Круг, огражденный разноцветной саламой.

⁴ Салама — праздничное украшение ысыаха в виде подвешенных гирлянд из цветных лоскутков тканей и маленьких берестяных туесков, нанизанных на черно-белую бечевку из конского волоса.

⁵ Олонхо — древнейшее эпическое искусство якутов (сахы), обозначает как эпическую традицию в целом, так и название отдельных сказаний. В 2005 году ЮНЕСКО объявило олонхо одним из «шедевров устного и нематериального наследия человечества».

⁶ Осуохай — круговой танец, хоровод.

- Истину говоришь. Пожалуй, начнем с олонхо.
- Скачки будут вечером, когда станет прохладно.
- Позовите сюда Харджита.
- Харджита, говоришь? Сказывают, он совсем ослеп. Пришел, что ли? — осведомился говорливый Воробейка у Вячеслава.
- Был, был тут. Я его видел с поводырем. Наверняка Геннадий Иванович сам приказал позвать.
- Вестимо. Послушать бы его!

В это время из среднего круга в сопровождении сына Кыраса вышел Харджит и, подойдя поближе к середине праздничной поляны, уселся на сиденье, покрытое белым меховым ковром. Его веки, казалось, зажмурились от веселого смеха, а по широкому лбу вверх ползли складки морщин. Чуткими руками Харджит ощущал свое место, устроился поудобнее, закинул одну ногу на колено, а сверху положил кисти с переплетенными пальцами. Затем, слегка откинувшись назад, вдохнул полную грудь воздуха, заговорил звучным голосом, описывая устройство и убранство срединного мира, заселенного человеческим родом. Как только олонхо началось, все люди, и стар и млад, и немощные и убогие, очарованные волшебством слова, затаили дыхание и обратились в слух.

И была та страна
 Поросшей лиственницами с отваливающимся корьём,
 Елями с растрескивающимся корьём,
 Были ее березовые роши обширны,
 Были леса ее из сосен крепких, строевых,
 Имела она мысы великие, косогоры сплошные,
 Горы скалистые, холмы огромные,
 Красные пески её развеивал ветер,
 Белую глину её рассеивал вихрь,
 Слоистые скалы её рушились с хрустом,
 Сугробы её были размером с белого медведя,
 Бури на ней завывали, как бурые медведи.

Прославляли ту изначальную землю рокотом
 Девяносто рек, вливающих в долину,
 Восемьдесят рек, врывающихся с шумом и криком,
 И расширили ту матушку-землю
 Семьдесят рек, что шагом и бегом
 Вошли, сотрясая её и растаскивая.
 Сотворилась она, говорят,
 Сверху обсыпана чернозёмом,
 Снизу обложена дёрном глянцевым,
 С серединой из пастбища травяного,
 Цветами разукрашена,
 Чэчиром обставлена,
 Аласами и лесами опушена.
 Если посмотреть на юг —
 Встали над ней на дыбы девять мысов,
 Похожих на жеребцов-вожаков,
 Если поглядеть на восток —
 Окружена зелёной тайгой,
 Цвета перьев на головах
 Кряковых селезней молодых,
 Окаймлена рекою молочно-белой
 О трёх кипучих руслах-рукавах,
 Оцеплена валом гор земляных,
 Похожих на кольца змеи.
 Если на запад бросить взор —
 Будто восемь белоголовых порозов

В битве сошлись,
Восемь сдвинулись сопок.
Если северный окоём охватить —
Обнаружится море бурливое,
Громоздящее скалы из льдов.

Земли сердцевиной названа,
Возросла она и развилась,
Страною самой спокойной став,
Похорошела и расцвела...

И пока Харджит рассказывал и пел, отец видел, как воспламенялся и вдохновлялся Хабырыс необъятной стихией олонхо. Бывшему голове не понравилось поведение сына. «Да, Харджит, бесспорно, великий олонхосут, не чета нашему Дайбыле, но человеку с высшим образованием не к лицу так заводится и ликовать от услышанного. По себе знаю, что олонхо способно пронзить человеку сердце, но я могу выражать свой восторг приличествующим случаю возгласом: Но!» — подумал он.

А Хабырыс в это время думал о своем. Его восхитило, что Харджит воспевал в олонхо животных и птиц жарких стран, некогда покинутых предками, называл божеств и духов, утраченных за века, названия урочищ и морей, забытых давным-давно. Можно лишь удивляться исторической памяти родного народа. Ведь олонхо — это все еще живая картина былого, полная счастья и горестей!

Восторженными возгласами «Но!» люди дружно подбадривали Харджита. Сидевшие поначалу отдельными группами люди теперь оживились и сосредоточились в единую массу.

Тем временем Харджит, покинув срединный мир, спустился в нижний, чтобы описать битву богатырей айыы и абасы, и в этот решительный момент его голос зазвучал громче, дыхание стало шире.

И в то мгновение
Богатырь рода айыы
Одним ударом стопы
Лишил парня абасы
Детородного уда с яйцами...

— Но!.. Но!.. Да будет воистину так!.. — благодарно взревели в один голос участники праздника, восхищенные пением Харджита.

Три кучки людей, составленных из знатоков и охотников побиться об заклад, не отставая, ходили следом за хозяевами скаковых лошадей.

В это время коневоды, взяв скакунов за поводья, вывели на поле, на котором должны были начаться скачки. Сначала брат Александра вышел с красновато-буланой невысокой лошастью по кличке Кубалах и прошел с нею три круга по ходу солнца. Старшая по возрасту лошадь вела себя спокойно. Остановившись перед зрителями, она испражнилась сухими катышками.

Видевший это Беспяй подобрал один катух и размял пальцами, чтобы проверить качество заездки.

— Конь достаточно окреп, мышцы прилипли к костяку...

— Если Кубалаха хорошо подготовить, он никого вперед себя не пропустит, — сказал кто-то из мужчин.

— Не пропустит, это точно!.. — согласились с ним другие.

— О! А я сделал ставку на Арбанчу, — пожалел кто-то.

— Разве я тебе не говорил? Как будто в первый раз... Кубалах на одном опыте хоть кого обскочет.

— Арбанча еще молодой же...

— Новичку, как говорится, везет...

Люди Широких ввели Арбанчу. Это был крупный конь серебристо-буланой масти. В его подвижных черных глазах играли шальные искры. Делая круг, жеребец вздернул голову, пофыркал, прядая ушами и норовя проскочить вперед коневода.

— О, красавец! Этот на вид тоже неплохой скакун.

— Посторонитесь! Отойдите! Не пугайте коней!

После проходки скакунов отвели в тихое место и привязали. Зрители, осмотрев и расхвалив коней на разные лады, разошлись по своим местам. Зная, что первый забег будет показательным, ставки они сделали скромные. Тем более, мало кто сомневался в том, что Кубалах обскачет Арбанчу.

Никого из организаторов скачек рядом со стартом не было. Вскоре собравшиеся вдалеке увидели идущих за коневодами лошадей, на которых предстояло сделать главные ставки. В толпе показался Урдус, голова Восточно-Кангаласского улуса, избранный держателем ставок.

Первым привели коня по кличке Хахынас из бестяхского Малтаны и сделали с ним три круга. Урдус промолчал. Этот конь был высок, ширококост, обладал большой грудной клеткой и спокойным нравом. Люди обступили его и принялись изучать, громко обсуждая его стати, как вдруг появился совершенно неизвестный жеребец. Коневод совершал с ним второй круг, когда держатель ставок не выдержал:

— Ого, Леханый, однако ты хорошо поработал с коньком!

Азартные люди, которые собирались делать ставки, задумались и тотчас убежали делиться этими словами с кем надо. К возгласу Урдуса остался равнодушным только парень, который привел новичка. Он спокойным шагом повел Хатынку на третий круг.

Взгляды игроков устремились на светло-серого молодого коня с мощной и мускулистой грудью, выступающими лопаточными буграми, выпуклыми мускулами, перекатывающимися под тонкой кожей. Всем понравились умные, отливающие синим огнем черные глаза и удлиненные чуткие уши лошади. Хатынка прекрасно понимал, почему его привели сюда, и был готов в одиночку убежать на волю, лишь бы не видеть этих суетных и жестоких людей, собравшихся ради веселья и наживы, да собратьев, способных бегать только под ударами плеток. Держала лишь привязанность к друзьям, которые любили, кормили и нежили его, да то, что рядом был верный его всадник. Этот верзил в одиночку был с ним и в осенней тьме, и в зимние лунные ночи. Он знал, чего сегодня тот хочет от него, и поэтому послушно пошел за ним.

— Неспроста Кириллов скрытно готовил этого жеребца к скачкам.

— Разбойник Шиликун нарочно избегает нас.

Молчаливо переживающий Хахата впал в мучительное раздумье: «Холера, как он смог втайне от всех выдержать такого коня? Соседи же мы, и то я ничего не заподозрил. Почему Кириллов спрятал коня? Стало быть, и правда необыкновенный скакун родился? Иметь такого под седлом — мечта каждого!» Не сдержав отчаяния, свернутой плеткой, которую никогда не выпускал из руки, Хахата остервенело пощуровал себе ляжку. Скакунов направили к отметке, откуда им предстояло броситься вперед. Самые азартные и уверенные в удаче немедленно принялись делать ставки. Хахата тоже бы поиграл, но в кармане ни гроша. — «Молодой конек, он и есть молодой! Дурачки не понимают, зря кинулись ставить на него... Я бы на их месте...» — озирался ямщик со злорадством. Некоторые хотели бы поставить на Хатынку, но Хахынас был испытанным победителем многих скачек. А Хатынка — новичок, темная лошадка.

Супруга головы Марья, желая раззадорить игроков, вынула из ушей тяжелые золотые серьги и, потряхивая ими, пошла обходить группы, крича:

— Кто за Хахынаса? А я за Хатынку!

«Ишь, белолицая, до чего ж обидно! Если Хахынасу дано завтра не упасть на бегу, он и сегодня покажет себя! Может, игра стоит свеч... Немало на своем веку я потерял

и нашел. Ладно, будь что будет!» — Рассекая толпу рукавами засаленного камзола, Хахата подошел к Марье и, хохотнув, сказал:

— Госпожа, говоришь, готова серьги отдать или отдаться?

Богатая женщина смерила его презрительным взглядом и отчеканила:

— Соплями рассчитывать будешь? Или этим обломком кнута?

— Коня ставлю. На котором ежжу. Если не веришь, погляди. Вон там стоит, привязанный. Поверь православному, я тебе не вру, правду сказал.

— А на чем почту будешь гонять, станочник? На своих плечах?

— У меня есть еще одна коняга. Бог дал мне ее. Вот и теперь на него уповаю! Все в руках божьих.

— Пошел вон отсюда!

А Хахата вошел в раж и не отставал. Устало глядя на Хахату, Марья вяло выкликнула:

— Где тут держатели заклада? Подите сюда, будьте поручителями нашего спора!

Из группы вышли Дмитриев Келегей и Вячеслав Припузов. Они велели спорщикам пожать руки, после чего забрали у Марьи серьги, а у Хахаты плетть.

Конники поскакали к черте, откуда собирались пуститься вскачь. Дети и молодежь взбежали на холм посередине аласа. Прямо на глазах зрителей, ожидавших забега первой пары коней, вторая пара со всадниками исчезла за холмом. Через некоторое время они потрусили к сайылыку Табысхана, а потом развернулись и помчались обратно. Доскакав до опушки, наездники спешили и привязали коней. Геннадий, Алексей и Александр покинули свое тюсюльге и направились к линии, где решался исход забега. Только Леханый, охваченный волнением, одиноко расхаживал у подножия холма.

Толпа, ожидающая пуска коней, умолкла. Внезапно люди на вершине холма начали подпрыгивать и радостно голосить:

— Лошади бегу-ут!

Немного погодя крики изменились:

— Кубалах возглавил скачку!.. Он опережает... Арбанча отстал!..

Тем временем лошади со всадниками исчезли за холмом.

— Если Кубалах пошел в отрыв, он просто так не уступит! — поспешил обрадовать сторонников своего коня князец.

— Кубалах впереди-и!.. Теперь его не догнать! — После такого известия люди слезли с ограды и побежали к месту, где был конец бегового отрезка.

Забег Кубалах окончил с огромным отрывом, а бедняга Арбанча так устал, что было видно, как судороги сводят ему ноги.

Хахсытцы удивились:

— Как это он проиграл так легко?!

— Когда скакун повторно бежит с конем, которому уступал уже, он заранее трусит и сдается, — объяснил Ксенофонтову Беспяй.

— Тогда зачем его в пару с ним поставили?

— Чтобы интерес к игре на деньги поднять. Еще бывает, что во время сутолоки, делая ставки, ушлые игроки нарочно портят каким-нибудь способом настрой лошади, которая явно может победить.

— Ничего себе, вот это страсти!

— Да уж, этот молодой жеребчик вряд ли сможет сравниться с его Хахынасом, — неуверенно произнес Беспяй.

А Геннадий от слов малтанцев внутри весь вскипел: «Ну погодите! Делите шкуру неубитой коняги! Основной приз еще не разыгран! Если б знал, как вы себя поведете, поднял бы заклад в два раза выше против прежнего. Ну ничего, этот заклад тоже большой. И надо еще учесть, что мои друзья-товарищи получают не меньше». Он

обнажил в натянутой улыбке белые зубы, и зрители заметили, что в глазах его горит азарт.

А князец стоял, схватившись здоровенными ручищами за жердь ограды, и чуял, как сотни завистливых глаз сверлят ему спину. «И это улусный писарь! Он что, правда, надеялся на победу, выставляя эту лошадку против моего Кубалаха? Из-за Арбанчи стал посмешищем на глазах стольких людей. Теперь молодого конька подсунули моему Хахынасу. У доброго скакуна должно быть счастье. У Хахынаса были и счастье, и крепкие ноги. Но теперь он имеет только один недостаток — возраст...»

Урдус, держатель основных ставок, рассказывал поодаль от возбужденной толпы.

Ксенофонов, который был всего лишь зрителем, устав от ожидания скачки, подошел к Широких.

— Алексей, когда начнутся скачки? — спросил он, чтобы не молчать.

— Ты бился об заклад? — удивился тот.

— Нет, просто так допытываюсь, не игрок я. Но чувствуется, скачка будет напряженной и горячей.

— Нарочно затянули с началом. В таких случаях нужно накалять страсти, дать время, чтобы игроки поспорили, раззадорились и сделали ставки. Какая же игра без задора...

— Кто наездник Хатынки?

— Ваня Кириллов.

— Он что, уже сделался конником?

— Так надо. У молодых лошадей спина слабая. Взрослых седоков им тяжело нести. А Ваня ловкий мальчишка. Хорошо в седле держится.

Хабырыс, Костя, Иван, Аркадий и Илья в ожидании скачки уже давно заняли место на вершине холма.

— Лошади поскакали!!! — вскричал Иван звонким голосом.

— Бегут, бегут! Идут ноздря к ноздре!

Охваченные азартом, зрители забегали по холму.

— Хахынас вырвался... он на полголовы впереди...

— Хатынка пытается заступить ему дорогу... Хахынас не дает... — Над полем взвился разноголосый гул криков. Кони вышли на поворот и быстро исчезли за холмом.

— Хахынас теперь хозяин положения, он не уступит...

Услышав это, Хахата радостно перекрестился и, спрыгнув с ограды, забегал среди толпы, ища Марью.

— Хахынас! Хахынас! Готовь заклад, он мой! — задыхаясь, он подбежал к госпоже.

— Да отстань ты!.. — отмахнулась та.

Тем временем Леханый не показывал ни волнения, ни радости. На виду у болельщиков он бесстрастно снял шапку, лег и ухом прижался к земле. А люди ждали, когда из-за холма покажутся головы бегущих лошадей.

Парень ладонью правой руки зажал другое ухо и принялся шептать:

— Это его копыта стучат... Скачет легко, дышит ровно и долго. Он все быстрее сменяет ноги. Догоняет, догоняет... Догнал!.. Заходит сбоку... Сейчас по уговору Ваня хлестнет его плетью...

Он вскочил на ноги и, счастливо улыбаясь, неуклюже побежал к конечной отметке. В этот миг толпа на холме разом подпрыгнула. Сотни голосов одновременно вскричали:

— Догнал!!! — И от этого крика содрогнулась земля.

У Хахаты, собиравшегося уже получить выигрыш, оборвалось сердце.

— Врут все. Не может быть. Он только что бежал впереди!

Тем временем из-за склона холма показались головы лошадей.

— Ухо к уху! Ноздря к ноздре!

— Погодите, рано радоваться!

Под дикий ор мальчик-наездник на Хатынке вдруг поднял плетку и изо всех сил подстегнул коня. И тотчас молодой жеребец так поддал ходу, что вмиг очутился впереди Хахынаса. Вершина бугра будто отвалилась. Это схлынули по склону вниз стоявшие на ней люди и рванули к крайней метке. Многоголосый крик огласил округу.

— Ох, погубил нас заживо!!! Теперь его ничто не сдержит! Это конец!

— Видали, как мы их обскакали?

Торжествующие вопли победителей заглушили стоны пораженных. Их крики сильнее плети подстегнули резво бегущего Хатынку, который, вытягивая голову и широкими махами выбрасывая вперед ноги, мчался к заветной черте. И вот он пересек ее!

Северным налегам Хатынка принес долгожданный успех, который окрылил их так, что люди не чувяли под собой земли.

— Мы победили!!! Это удача! — Геннадий и Алексей обнялись, поздравляя друг друга. Их радость разделили многие земляки. И лишь Александр стоял один с ощущением, что могучая сила враз покинула его.

Прекрасный конь, до девятнадцати лет не знавший поражения, запаленно дыша, стоял на подкашивающихся ногах, униженный как никогда, а из его глаз текли слезы. Он понял, что подвел хозяина. К нему никто не подошел как раньше, никто не приласкал, не поздравил. Теперь все изменится. Вся его слава и бессчетные победы ушли в небытие. Если б мог он вернуться на пятнадцать лет назад! Вполне возможно, его нынче отпустят на пастбище, чтобы он отъелся хорошенько, а после Покрова забьют на мясо...

— Холера, хреновый конь ты, и за что тебя хвалили?! Зря я поставил на тебя, проиграл единственную рабочую лошадку! — обругал Хахата плачущего жеребца. — О, если бы у меня был такой скакун, как Хатынка! — Ямщик смачно сплюнул на землю.

Уроженцы южных поселений, прибывшие на ысыях с чувством превосходства, после поражения Хахынаса пали духом.

А Ваня, умелый наездник победителя, вручив поводья Леханому, вскочил на велосипед и полетел кататься. Проезжая мимо малтанцев, он звонко прокричал:

— Видите у нашего дома два дерева? Они выросли вместе, но одно осталось тонким и невысоким. А другое — намного выше и толще. И маленькое дерево никогда уже не догонит высокое. Никогда!